

В ночь, когда я направлялся в заброшенный особняк на Горе Бурь, чтобы понять, что же такое этот затаившийся страх, в небе гремели грозовые раскаты. Я был не один: страсть ко всему сверхъестественному и ужасному тогда еще не сопровождалась тягой к безрассудному риску, которая впоследствии превратила мою жизнь в нескончаемую цепь опасных предприятий и в литературе, и в жизни. Со мной были два преданных и мужественных друга, призванных мною, когда пришла на то пора. Эти люди и раньше сопровождали меня в моих небезопасных вылазках — именно в таких спутниках я нуждался.

Мы покинули селение, соблюдая строжайшую конспирацию, чтобы не привлечь внимания журналистов: те так и кружили вокруг в надежде что-нибудь пронюхать после кошмарных событий прошлого месяца, прозванных ползучей смертью. Впоследствии я жалел, что ускользнул от репортеров — их присутствие могло пригодиться. Прими они участие в нашем походе, мне не пришлось бы так долго хранить одному ужасную тайну из страха прослыть сумасшедшим или рехнуться на самом деле. Теперь, позволив наконец себе выговориться, чтобы не стать законченным маньяком, я жалею, что не сделал этого раньше. Ведь только одному мне известно, что таит в себе эта безлюдная, таинственная гора.

Проехав в автомобиле несколько миль по холмистой, заросшей девственным лесом местности, мы оказались у подножья горы. Во мраке ночи это место выглядело еще более зловещим, чем днем, при обычном теперь течении любопытствующего народа. Мы с трудом сдерживались, чтобы не включить фары, свет которых мог бы привлечь внимание. Чем-то необычным веяло от этого ночного пейзажа, и мне кажется, я почувствовал бы некую скрытую опасность, даже ничего не зная о случившемся здесь ужасном событии. Никакой живности поблизости не было — звери, как никто, ощущают близость смерти. Старые, иссеченные молниями деревья казались неестественно большими и искривленными, остальная же растительность была на удивление роскошной и обильной. Странные продолговатые холмики и бугры, возвышающиеся над землей, кое-где глубоко взрытой, а кое-где зарослей сорной травой, напоминали своими очертаниями гигантских змей и человеческие черепа.

Страх поселился на Горе Бурь более ста лет назад. Об этом я узнал из газетной статьи о жутком событии, впервые привлечшем внимание к небольшому селению в той части Катскиллских гор, которую датчане цивилизовали лишь слегка, как бы мимоходом, и ушли, оставив после себя несколько теперь уже разрушенных временем особняков и разбросанные тут и там по склонам жалкие лачуги скваттеров. Так называемые нормальные люди редко сюда заглядывали, потом, правда, эти места стали навещать патрули государственной полиции, впрочем, нельзя сказать, чтобы часто. О затаившемся страхе местные жители слышаны чуть ли не с самого рождения. Даже выбираясь за пределы родных мест, эти полукровки постоянно толкуют о нем на корявом своем наречии, когда пытаются выменять самодельные корзины на предметы первой необходимости — ведь они не умеют ни стрелять дичь, ни выращивать злаки, ни делать еще что-нибудь путное.

Затаившийся страх угнезвился, по слухам, в уединенном и заброшенном особняке Мартенсов, стоящем на вершине высокого пологого холма, обладающего способностью притягивать к себе грозы и получившего поэтому название Горы Бурь. Уже более ста лет об этом старинном каменном доме, расположенном посреди небольшой рощицы, ходили жуткие слухи. Рассказывали страшные истории об обитающей здесь бесшумной ползучей смерти, выбирающейся на свет божий каждое лето, и о некоем демоне, похищающем во тьме одиноких путников. Иногда он уносил их с собой, а иногда тут же безжалостно загрызал. Понизив голос, скваттеры рассказывали также о кровавых следах, ведущих к уединенному особняку. Некоторые считали, что именно гром вызывает затаившийся страх из его убежища, другие утверждали, что гром — это его голос.

Люди со стороны не верили этим противоречивым рассказам, да и описание самого демона, хоть и было впечатляющим, тоже вызывало сомнения. И все же никто из фермеров и жителей ближайших деревень не сомневался, что в особняке Мартенсов водится нечистая сила. Они упорно стояли на своем, хотя ни один из смельчаков, попытавшихся на месте проверить их полные ужасающих подробностей рассказы, не нашел в особняке ничего подозрительного. Старухи рассказывали захватывающие истории о призраке Мартенса; упоминалось при этом и само семейство, с его наследственной чертой — разного цвета глазами, и преступные деяния этого рода, которые увенчались неслыханным по коварству убийством, навлекшим на него проклятье.

Лично меня привлекло сюда неожиданное и ужасное подтверждение одной из самых невероятных местных легенд. Однажды летней ночью после необычайно сильной грозы вся округа была разбужена неким фермером, в панике примчавшимся в селение. Вскоре все уже вопили и стонали, нисколько не сомневаясь, что на них надвигается беда. Никто еще не видел собственными глазами, но по крикам, доносившимся из ближайшей деревушки, все поняли, что ползучая смерть объявилась снова.

Путру жители поселка вместе с полицейскими и дрожащими от страха скваттерами проследовали к месту бедствия. По деревушке действительно прошла смерть. После сокрушительного удара молнии земля осела, разрушив несколько самых ветхих строений, однако обилие человеческих жертв затмило все материальные разрушения. Из семидесяти пяти человек никто не остался в живых. Развороченная земля смешалась с кровью и частями человеческих тел, на которых были четко видны следы зубов и когтей демона, — но странное обстоятельство: от места этой страшной бойни не вели никакие следы. Полиция пришла к выводу, что здесь побывал некий чудовищный зверь. Теперь уже никто не пытался отнести это загадочное преступление на счет злодейских убийств, обычных в таких примитивных сообществах. Эта версия, правда, возникла снова, когда выяснилось, что среди мертвых отсутствуют останки двадцати пяти человек, но тогда возникал вопрос: как эти двадцать пять сумели погубить вдвое большее число людей? В конце концов порешили, что в ту летнюю ночь кара Господня сошла с небес, оставив после себя мертвую деревушку, усеянную чудовищно изуродованными, в клочья разорванными и растерзанными трупами.

Насмерть уstraшенные люди немедленно связали случившееся с подозрительным домом Мартенсов, хотя до него было свыше трех миль. Полиция отнеслась к этой версии скептически, но все же формальности ради обследовала особняк, ничего там не нашла и потеряла к нему всякий интерес. Крестьяне же, напротив, проявили поразительное усердие: перевернули весь дом, вырубили кусты, а также обследовали все ближайшие пруды и речушки, прочесали вокруг леса. Но всё впустую — ползучая смерть не оставила никаких следов.

Уже на второй день газетчики пронюхали об этом кошмарном событии и буквально наводнили Гору Бурь. Они расписали случившееся во всех подробностях, не умолчав и о страшных легендах, рассказанных им сельскими стариками. Занимаясь проблемами сверхъестественного, я внимательно следил за развитием событий и спустя неделю, 5 августа 1921 года, почувствовав, что атмосфера сгущается, прибыл в Леффертс-Корнерс, ближайший к Горе Бурь и району поисков поселок, и остановился в гостинице, прямо-таки кишевшей репортерами. Спустя три недели почти все журналисты разъехались, и я со своими друзьями мог начать свое опасное расследование, опираясь и на рассказы очевидцев, и на собственные предварительные выводы.

И вот летней ночью под шум отдаленных раскатов грома, оставив автомобиль у подножья, мы начали восхождение на Гору Бурь. Наконец наши фонарики вырвали из тьмы укрывшиеся среди могучих дубов призрачные серые стены. В неясных проблесках света, лишь изредка

раздвигающих черноту ночи, громадное квадратное здание наводило ужас еще больший, чем днем. И все же моя решимость убедиться в правоте своих предположений не поколебалась. Я был убежден, что именно гром вызывает демона смерти из его тайного убежища, и хотел знать, появляется ли он во плоти или же в виде плазмообразного сгустка зла.

Заранее изучив обветшавший дом, я продумал план действия. Местом для наблюдения я избрал комнату Яна Мартенса, об убийстве которого так много говорилось в местных преданиях, интуитивно чувствуя, что жилище этой давней жертвы более всего подходит для моих целей. В этой комнате площадью около двадцати квадратных метров сохранился разный хлам, бывший когда-то мебелью. Комната была расположена на втором этаже южной части особняка, большое окно выходило на восток, окно поменьше — на юг. На обоих не было ставен, не говоря уже о стеклах. Напротив большого окна стояла громадная голландская печь, изразцы которой живо воспроизводили легенду о блудном сыне; напротив маленького — просторное, встроенное в нишу ложе.

Гром, заглушаемый прежде листвой деревьев, здесь гремел вовсю, и я приступил к дальнейшим, предусмотренным мною действиям. Прежде всего прикрепил к карнизу большого окна три принесенные с собой веревочные лестницы, предварительно убедившись, что они достигают земли. Затем мы вдвоем приволокли из соседней комнаты массивный остов кровати и приставили его вплотную к окну. Набросав лапник, мы устроились на нем с оружием. Двое дремали, один был на страже. Откуда бы ни появился демон, отступление нам гарантировано. Если он объявится изнутри дома, мы воспользуемся веревочными лестницами, если снаружи — будем отступать по коридорам. Исходя из того, что нам было известно, мы полагали: даже в самом худшем случае демон не станет долго преследовать нас.

Я бодрствовал с полуночи до часу, но потом, несмотря на зловещую атмосферу дома, выбитое окно и приближающуюся грозу, почувствовал непреодолимую сонливость. Я лежал посередине, Джордж Беннет — у окна, а Уильям ближе к печи. Беннет спал, похоже не совладав с той противоестественной сонливостью, которую испытывал и я. Дежурил Тоби, хотя он тоже клевал носом. Интересно, что всё это время я в полузабытии все-таки не сводил глаз с печи.

Нарастающие раскаты грома, видимо, повлияли на мои сновидения — даже за тот короткий отрезок времени, что я дремал, меня одолевали апокалиптические картины. Разбудил меня сильный удар в грудь — спящий у окна непроизвольно толкнул меня. Еще не совсем проснувшись и не сориентировавшись, спит Тоби или бодрствует, я почувствовал недоброе. Никогда прежде мне не доводилось так отчетливо испытывать почти физическую близость Зла. Все же я забылся опять, но из пучины видений меня вырвал на этот раз истощенный, полный отчаяния крик, с которым не могло сравниться ничто из слышанного мною когда-либо.

Казалось, этим криком исторгнуты все потаенные страхи и боль человеческой души, очутившейся у самых врат небытия. Проснулся я в мучительном, волнами накатывающем страхе, с ощущением, что мне глядит в лицо само кровавое безумие с издевательским оскалом сатанизма. Было темно, но пустующее справа от меня место говорило, что Тоби исчез. Тяжелая рука соседа слева все еще лежала у меня на груди.

Раздался оглушительный удар грома, потрясший до основания всю гору, огненная молния проникла в самые укромные уголки развалившихся склепов и расколола надвое старейшину среди скособоченных гигантских деревьев. В зловещем отблеске чудовищной вспышки лежащий рядом резко поднялся. Его тень упала на печь, куда был устремлен мой взгляд. Боже, что я увидел!.. То, что я остался жив и невредим, — необъяснимое чудо. Тень принадлежала не Джорджу Беннету или какому-нибудь другому человеку, а мерзкому чудовищу, восставшему из

самых глубин ада, — безымянному, бесформенному и гнусному созданию, которое немисливо представить себе или описать. Через секунду я уже был в комнате один — дрожащий от страха, бормочущий невесть что. Джордж Беннет и Уильям Тоби безвозвратно пропали, не оставив даже следов борьбы. Больше о них никто не слышал.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1011528>